

УДК 94(477)"1941/1943"

UDC

DOI 10.17223/18572685/40/10

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ. НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА ЖИТОМИРА (1941-1943)

М.Э. Кругляк

Житомирский государственный технологический университет
Украина, 10005, г. Житомир, ул. Черняховского, 103
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности повседневной жизни жителей Советского Союза в годы нацистской оккупации на примере украинского города Житомира, захваченного гитлеровцами уже в июле 1941 г. Автор также пытается проанализировать роль украинского националистического движения в годы оккупации, частично касаясь явления украинского коллаборационизма. Используя материалы оккупационной прессы, архивные документы и воспоминания очевидцев тех событий. Автор сделала попытку максимально полно представить повседневную жизнь житомирян во время нацистской оккупации, включавшую, в том числе образование и культуру.

Ключевые слова: повседневность, оккупация, нацистский «новый порядок», Организация украинских националистов, украинизация, пресса.

Everyday life of the Ukrainians under the Nazi occupation. Based on the materials of Zhitomir (1941-1943)

M.E. Krugliak

Zhitomir State Technological University
103, Chernyakhovskogo str., Zhytomyr, 10005, Ukraine
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Abstract

The article displays the peculiarities of everyday life in the Soviet Union during the Nazi occupation, taking Zhitomir, a Ukrainian town captured by the Nazis in July 1941, as an example. The author also tries to analyze the role of the Ukrainian nationalist movement during the occupation, partly referring to the phenomenon of the Ukrainian collaboration. Using the occupation press materials, archival documents and eyewitness testimonies, an attempt to vividly and fully present everyday life of Zhitomir during the Nazi occupation, including, inter alia, education and culture, is made.

Keywords: everyday life, occupation, the Nazi “new order”, Organization of the Ukrainian Nationalists, Ukrainization, the press.

История Второй мировой войны, даже спустя более полувековой период с момента ее окончания, оставляет по сей день много неразрешенных вопросов. XXI в., символизирующий победу человеческого разума, чему есть немало примеров в сфере техники и медицины, не предотвратил такой мировой катастрофы, как война. К сожалению, Украина к 70-летию Великой Победы вновь оказалась в эпицентре военных катаклизмов, которые историки в будущем назовут по-своему: «гражданская война», «антитеррористическая операция», «война России с Украиной» или как-то иначе. Тем не менее вопросы выживания людей непосредственно на территории военного противостояния, да и за его пределами, на примере исторических параллелей с событиями Великой Отечественной войны становятся как никогда актуальными.

Используя местную оккупационную прессу, немногочисленные воспоминания житомирян, оказавшихся на оккупированной территории, сборники документов и архивные материалы из рассекреченных после распада СССР фондов Государственного архива Житомирской области, попробуем воспроизвести картину будничной жизни житомирян в 1941-1943 гг. Следует отметить, что в советской историографии по идеологическим причинам подобная проблема поднималась лишь отчасти и касалась в основном описания реализации нацистского «нового порядка» и плана «Ост» на конкретной территории. В годы независимости Украины, параллельно с описанием зверств нацистов по отношению к украинскому и еврейскому населению, активно поднимаются проблемы остарбайтеров, а также украинского националистического движения. В украинской историографии принято рассматривать Организацию украинских националистов как одну из форм движения Сопротивления на оккупированной территории наряду с советской (партизаны и подпольщики) и польской. При рассмотрении деятельности украинских националистов огромное

внимание уделяется их попыткам возродить независимое Украинское государство, используя рычаги власти на местах и проводя политику украинизации и антисоветизации. Насколько влиятельными были позиции украинских националистов в Житомире, каковы были условия выживания украинцев на оккупированной территории. Попытаемся ответить на эти вопросы в данной публикации.

Житомирская область (образована 22 сентября 1937 г.) размещена на территории Правобережной Украины, в центральной части Украинского Полесья. Накануне Великой Отечественной войны она граничила на западе с Ровенской, на юго-западе – с Каменец-Подольской, на юге – с Винницкой, на востоке – с Киевской областями, а на севере – с Белорусской ССР. Согласно переписи 1939 г., на территории Житомирской области проживали 1 701,5 тыс. чел., из них 346,8 тыс., или 20 % от общей численности, составляли жители городов. Центром области был Житомир, население которого перед началом Великой Отечественной войны достигало 95 тыс. чел. По национальному составу преимущественно это были украинцы, евреи, русские и поляки (Иващенко 1993: 7).

Промышленность Житомира составляли такие предприятия, как моторемонтный завод, мебельный комбинат, чулочная фабрика. В предвоенные годы в городе наращивали мощность кирпичный, спиртовой и пивоваренный заводы, кондитерская и макаронная фабрики, мясокомбинат. Всего в 1940 г. насчитывалось 62 предприятия. Развивалась и транспортная сфера: железнодорожным сообщением Житомир был связан с Киевом, Фастовом, Новоград-Волынским. Была построена асфальтная дорога Киев–Житомир–Новоград-Волынский. Действовал гражданский аэропорт.

В 1940 г. в городе функционировало 28 медицинских заведений, работало 129 докторов. В районе Малеванка был открыт санаторий, а на берегу р. Тетерев – Дом отдыха.

Развивалась и сфера образования и культуры. Накануне войны в городе действовали 31 школа, обучалось более 13 тыс. чел., работал 561 учитель. Разрасталась сеть средних специальных и высших учебных заведений. Кроме педагогического и учительского институтов, был создан Волынский сельскохозяйственный политехникум, который приравнялся к высшему учебному заведению, действовало 12 техникумов и училищ, в том числе дорожный, механический, музыкальное и педагогическое училища, фельдшерско-акушерская и фармацевтическая школы. Открылись научно-исследовательские станции хмелеводства и метеорологическая.

В быт житомирян вошло кино (действовало три кинотеатра), радио (с 1 января 1938 г. начал работу областной радиокomitee), с успехом

функционировал Украинский драматический театр им. Н. Щорса, расширили деятельность Дом народного творчества, Дворец пионеров и октябрят, областные библиотеки для взрослых и детей, четыре клуба, краеведческий музей. В 1938 г. был создан аэроклуб, где готовили пилотов, парашютистов, техников; более 20 тыс. чел. объединялось в спортивные общества (Иващенко 1994: 5-7).

22 июня 1941 г. Житомир одним из первых городов СССР был подвергнут бомбардировке немецкой авиации. За первые недели войны на фронт мобилизовали около 5 тыс. чел., среди них 3 тыс. комсомольцев, которые ушли воевать добровольцами. Из числа студентов педагогического и сельскохозяйственного институтов был создан истребительный батальон. С приближением фронта около 35 % житомирян выехали в восточные районы страны (Иващенко 1994: 7-8).

Уже к 9 июля 1941 г. Житомир был оккупирован нацистами. А 10 июля в городе появились лидеры украинских националистов – бандеровской походной группы (ОУН(б)) «Север». За время пребывания в Житомире до 11 июля они начали укомплектование украинской милиции и организовали областное управление (управу), первым председателем которого стал учитель Иван Луцюк; 1 августа 1941 г. его заменил житомирянин Александр Яценюк, в августе 1941 г. ставший членом ОУН(м) (мельниковцев). О функционировании управления свидетельствует изданное Луцюком распоряжение «О комендантском часе, возобновлении работы предприятий, регистрации евреев» от 11 июля 1941 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 26, 41, 43). Согласно постановлению Житомирского областного управления от 30 июля 1941 г. «О создании полиции на территории Житомирской области», в регионе окончилось укомплектование вспомогательной полиции (УС 1).

Интересно, что время для функционирования областной управы было недолгим: в середине ноября 1941 г., т.е. после создания рейхскомиссариата «Украина» и дальнейшего прихода на его территорию гражданской немецкой администрации, Житомирское областное управление ликвидировали, его органы перешли в ведомство Украинского бюро как вспомогательное звено при генеральном комиссариате «Житомир» (Ковальчук, Стельникович 2011: 45). Итак, в ноябре 1941 г. на территории Житомирской области создали 11 гебитскомиссариатов, одним из них был Житомир, в состав которого вошли г. Житомир, Житомирский, Трояновский, Черняховский районы (Жилюк 2008: 75).

«С первого дня оккупации коренным образом изменилась жизнь, – вспоминают А.П. Ремезов и В.И. Белова. – Город словно вымер. Лишь кое-где на улицах можно было увидеть местных жителей. Группами

прохаживались полицаи, немецкие солдаты и офицеры. Во многих местах у входа в магазины, кафе появились вывески «Только для немцев», объявления-предупреждения: «Появляться в городе после 19 часов строго запрещается. Нарушители будут наказаны» и другие. Все это было непривычным и возмутительным» (Ремезов, Белова 2002: 17). При малейшем подозрении житомирян арестовывали и держали под арестом несколько суток. Между тем очевидцы, а среди них и Дормидонд Талызин, вспоминают, что «немцы простое население не трогали, коммунистов только и евреев» (Жива історія 2010: 45).

Население от 18 до 45 лет исполняло трудовую повинность, работая по 14-16 часов в сутки. Тех, кто отказывался от работы, ждали тюрьмы и виселицы. Для увеличения численности работающих использовали агитацию, особенно при отправке на Запад (Лобода 2010: 66). И сначала молодежь, которую вывозили на работы в Германию, восприняла это с восторгом, веря, что ее будут хорошо кормить и одевать (Жива історія 2010: 61).

Улицы были переименованы. Например, Большая Бердичевская стала называться улицей Адольфа Гитлера, Михайловская – Геринга, Киевская – фон Райхенау. Немцы ввели комендантский час: с 20:00 до 05:00 запрещалось появляться на улицах без специальных пропусков. Наказания ожидали граждан за несвоевременную явку на работу, уклонение от трудовой повинности, пользование радиоприемниками и несдачу велосипедов. Подозрительные лица могли быть расстрелены без суда и следствия (Костриця, Кондратюк 2007: 336). Так, уже в первые два дня оккупации на Сенной площади в Житомире гитлеровцы повесили 21 коммуниста. На Богунии – западной окраине города – нацисты устроили концентрационный лагерь № 358 для советских военнопленных, в котором ежедневно погибало около 400 чел. Массовое уничтожение больных и раненых советских воинов и мирного населения оккупанты проводили на 8-м километре Новоград-Волынского шоссе. Именно сюда нацисты привозили детей из детского дома по ул. Синельниковской, 12 и расстреливали их (Иващенко 1994: 8). Примечательна история создания этого учреждения. Согласно воспоминаниям воспитательницы Щеновской (1944 г.), детский дом начал работу в конце июля 1941 г., т. е. сразу после начала оккупации города гитлеровцами. Первых 14 детей из Дома малютки прислало городское управление. Дети, направлявшиеся городской управой или полицией, проходили медосмотр и изоляцию, а потом попадали в группы в зависимости от возраста. Сначала в учреждении было 40 детей. Питание – неудовлетворительное. Дважды в детдом приезжали немецкие солдаты, силой увозили часть детей в возрасте 4-15 лет, чтобы расстрелять. В августе–сентябре 1941 г. расстреляли 40-50 детей (Житомирщина 1: 47-48).

При малейшем подозрении невиновных людей гитлеровцы уничтожали физически. 19 июля 1941 г. в Житомире было расстреляно 100 чел. лишь за то, что в городе возник пожар. При этом оккупанты предупредили, что в случае повторения подобных «недружелюбных актов» наказание будет более суровым. Жители домов, находившихся на расстоянии 100 метров от места происшествия, оглашались подозреваемыми и подлежали аресту, несмотря на пол и возраст. 18 декабря 1941 г. житомирский генерал-комиссар Клемм рекомендовал своим подчиненным за каждый выстрел в рейхснемца расстреливать 10 человек, а за каждый случай ранения или убийства – 100 местных жителей независимо от пола (Иващенко, Солдатов 2002: 8). 5 мая 1942 г. вышло предупреждение житомирского генерал-комиссара, согласно которому любая форма помощи военнопленным-беглецам Красной армии - пристанищем или продуктами питания со стороны простого населения наказывалась тюрьмой или смертью (Житомирщина 2: 62). Рост партизанского движения на Украине, возраставшая поддержка партизанам со стороны местного населения заставили немецкое командование издать приказ, адресованный начальнику жандармерии г. Житомира (6 июня 1942 г.): «...приказываю расстреливать каждого человека, встреченного в лесу, неработающего, заподозренного в сотрудничестве с партизанами» (Житомирщина 2: 63).

Нередки были и случаи мародерства, когда грабили не только магазины, но и квартиры гражданского населения (Житомирщина 2: 83).

Но больше всего пострадало именно еврейское население города, согнанное в гетто, организованное в долине р. Каменки в юго-западной части Житомира. Отсюда евреев вывозили на грузовиках в лес около сел Довжик и Ивановка, где их расстреливали. В шести братских могилах здесь похоронены 9 623 еврея (Иващенко 1994: 9).

Южнее Довжика в 63-м квадрате Богунского лесничества проводили массовые расстрелы коммунистов, партизан и подпольщиков. В братской могиле покоится прах 10 тыс. патриотов, среди них и два Героя Советского Союза, руководители Житомирского подполья Г. Шелушков и А. Бородий. По данным Е.Н. Иващенко, в Житомире гитлеровцы замучили 67 тыс. военнослужащих и более 46 тыс. мирных жителей. Более 10 тыс. житомирян было вывезено на каторжные работы в Германию (Иващенко 1994: 9). Несколько слов скажем об условиях содержания военнопленных в Богунском концентрационном лагере, расположенном в западной части города, на территории бывшей военной части. Четыре кирпичных здания были обнесены несколькими рядами колючей проволоки, через которую пропускали электрический ток высокого напряжения. Около 100 тыс. красноармейцев и командиров согнали на эту местность, большую часть разместили под открытым небом. Неимоверная теснота не давала

возможности не то что лежать на земле, но даже стоять. В лагере установили невольничий труд. Ежедневно пленных выгоняли на тяжелые работы, обессиленных пристреливали на месте. Едой служили 100 г проса и пол-литра воды в сутки. Осенью 1941 г. в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии и сыпного тифа (Пам'ятки археології 2009: 173).

Чтобы обезопасить себя от возможного сопротивления житомирян, оккупанты приказали местному населению сдать в обязательном порядке немецкой полиции огнестрельное оружие до 10 декабря 1941 г. Функцию выдачи документов на стрелковое оружие возложили на областного комиссара. Тот, кто после 10 декабря 1941 г. будет иметь оружие и боеприпасы, подлежит расстрелу, как враг (приказ житомирского генерал-комиссара от 27 ноября 1941 г.) (Житомирщина 1: 89-90).

Зарубежные и украинские исследователи отмечают, что сразу после прихода походных групп ОУН в Житомир город стал центром украинских националистов Надднепрянской Украины. И такой статус был у него до захвата нацистами Киева. Возможно, потому известный американский историк Джон Армстронг в монографии «Украинский национализм. Факты и исследования» отводит ситуации в Житомире в первые месяцы оккупации особое значение. Ученый считает, что это обстоятельство помогает осмыслить роль всего националистического движения на востоке Украины во время начального этапа его деятельности (Armstrong 1980: 91). В воспоминаниях деятелей и бандеровского, и мельниковского национального движения Житомир упомянут неоднократно, назван главным центром, штаб-квартирой, основной базой для пути на Киев. Здесь до захвата Киева немецкие войска сосредоточили большое количество руководящего состава ОУН обоих течений, отсюда переправляли оуновские кадры для налаживания подпольной деятельности в Киеве (Жилюк 2008: 32). И все же именно мельниковцы, выступавшие за тесное сотрудничество с немцами и занимавшие в украинском националистическом движении умеренную и консервативную позицию, имели преобладающее влияние на ситуацию в оккупированном Житомире.

П.-Р. Магочий утверждает, что центром мельниковской активности летом 1941 г. был именно Житомир. Украинские националисты направили свою деятельность на организацию административных и социально-экономических структур, сеть культурно-образовательных учреждений. Один из очевидцев событий того времени вспоминал: «В городе на каждом шагу ощущается новое, свежее дыхание украинской жизни, которая, несмотря на военные обстоятельства, быстро возрождается и находит для себя новые творческие формы» (Ковальчук, Стельникович 2011: 30-31). Сначала бандеровцы, а позже мельниковцы возглавили работу Житомирского городского управ-

ления. Первыми бургомистрами Житомира были Ю.А. Орищенко (в течение первых двух недель оккупации; в декабре 1941 г. был казнен нацистами вместе со своей женой), затем Д.А. Павловский (до ноября 1943 г.) (Ковальчук, Стельникович 2011: 34).

И все же неправильно будет утверждать, что Житомир был полностью охвачен националистическими идеями. По данным И. Ковальчука и С. Стельниковича, на 40-тысячный город национально сознательной интеллигенции насчитывалось около 500 чел. (Ковальчук, Стельникович 2011: 35).

В современной украинской историографии при описании периода оккупации Украины нацистами становится популярным параллельно с описанием зверств гитлеровцев показывать деятельность представителей украинского националистического движения как противовеса им, уделять большое внимание реформам членов ОУН в культурно-образовательной сфере. Про участие украинских националистов в расправах над неугодными как-то писать не принято. Несомненно, украинские националисты, возглавлявшие управы и иные органы власти, участвовали во всех или в большинстве акций нацистов, искренне веря, что немцы даруют им независимость. Тем не менее не молчат очевидцы тех событий.

Житомирянин Франц Бржезицкий вспоминает: «Это было осенью 41-го. И когда уже понабирали молодых ребят в полицию, они начали расстреливать на Богунии евреев. Я слышал разговор знакомых полицейских, один говорит: “У меня уже палец болит нажимать на крючок”. А немец мне: “Ну хорошо, отдохни – пусть другой с юде поработает”. Хвалились золотыми перстнями, которые отбирали у обреченных женщин, девчат, смеялись: “Такие молоденькие, мы приказали раздеться, а они закрываются руками”». Ф. Бржезицкий недоумевает: «Это же можно с ума сойти – вчерашние десятиклассники, совсем молодые ребята! Это не бывалые бандиты были. Да если бы меня даже заставляли убивать, лучше четвертуйте!.. А они стреляли в детей, беременных женщин! Им было все равно в кого – а хоть в родных отца, мать. И это ж надо было так их выдрессировать! И таких много было. Найдите мне сейчас оправдание этому. А моя мать, мы еврейских детей, спасая от смерти, прятали у себя в доме за печью...» (Жива історія 2010: 46). Не менее ужасно воспоминание Галины Синьковской о казнях евреев на Богунии: «Сначала массовая казнь нас пугала, а потом мы привыкли... Немцы изредка принимали участие в казнях – грязную работу вместо них исполняли местные полицейские... Осенью 41-го расстрелы происходили почти каждый день» (Жива історія 2010: 46).

Сначала, действительно, гитлеровцы не мешали украинским соратникам использовать национальную символику, проводить украинизацию и даже активную культурно-общественную деятельность.

Так, современные исследователи И. Ковальчук и С. Стельникович отмечают, что с самого начала работы органов украинской местной администрации националисты значительное внимание уделяли тому, чтобы использовать национальную символику. Во второй половине 1941 г. они добились права вывешивать на помещениях областного, районного и сельских управлений украинские флаги. Примечательно, что несколько украинских флагов для Житомирского областного управления у себя дома пошила местная жительница Юлия Мережинская. Однако параллельно с украинской символикой на официальных учреждениях висели нацистские флаг и герб, а саму украинскую национальную символику по приказу нацистской оккупационной власти по всей Украине сняли в августе 1942 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 27-28).

Националисты при власти начали активную политику украинизации. 30 сентября 1941 г. А. Яценюк издал очередной приказ, в котором говорилось: «Еще раз напоминаю всем работающим в правительстве области о том, что украинский язык – это язык государственный, потому использование не украинского языка в государственных учреждениях Украины недоступно... Использование русского языка в учреждениях решительно запрещая» (УС 8).

О работе Житомирского областного управления свидетельствует фискальная политика. Финансовое отделение управы разработало систему налогов: промышленный, подоходный с рабочих и служащих, налог с недвижимого имущества, земельный сбор. Кроме того, средства получали от реализации имущества населения, эвакуированного или убитого нацистами. Как временное мероприятие до издания закона о пенсиях, постановлением областной управы от 17 октября 1941 г. в каждом районе области образовывался специальный фонд для предоставления единовременного пособия пенсионерам, инвалидам, крайне нуждающимся материально. Фонд наполнялся за счет ежемесячных взносов от служащих и рабочих всех учреждений, организаций и предприятий областного, районного и сельского значения, а также взносов от собственников торгово-промышленных предприятий и лиц, занимавшихся собственным промыслом. Размер взноса устанавливался в процентном соотношении к размеру зарплаты: для лиц с зарплатой до 600 руб. – 1 %, от 600 до 1 500 руб. – 1,5 %, более 1 500 руб. – 2 % (Жилюк 2008: 47). Известно, что во время оккупации в сельской местности действовала колхозная система; местное население было привлечено к восстановлению предприятий.

Интересно, что при Житомирском городском управлении в годы оккупации функционировала так называемая женская секция (до 1 сентября 1941 г.; с сентября до ноября 1941 г. она называлась жен-

ским отделом биржи труда Житомирского городского управления). В ее штат входили руководитель, секретарь и переводчик-фольксдойч. Отдел биржи труда проводил регистрацию женщин города, помогал им в трудоустройстве и выдавал продуктовые карточки. В обязанности председателя женского отдела входили также опека над беспризорными детьми, нищими, реставрация церковей. Известно, что в Житомире открыли детский дом, была налажена помощь в работе Дома малютки. Председатель женского отдела (до ноября 1941 г.) Ю. Мережинская, уволенная из-за сокращения штата, по предложению городского головы Д. Павловского возглавила Комитет помощи военнопленным, в состав которого входили в основном женщины, работавшие на управленческих должностях, учителями, врачами. Сотрудники комитета осуществляли сбор вещей для раненых пленных красноармейцев лагеря на Богунии, открыли кухню при 2-й городской поликлинике, где питались раненые военнопленные, отремонтировали помещения поликлиники и начали сооружение бани, перевели из лагеря в больницу раненых и больных сыпным тифом. Помощь комитета предоставлялась и раненым немецким солдатам. Источниками финансирования являлись розыгрыши лотерей, проведение благотворительных концертов, пожертвования населения. Однако этого явно не хватало. В январе 1942 г. учреждение прекратило свое существование (Ковальчук, Стельникович 2011: 39-40).

Местная оккупационная пресса писала о работе областного и городского отделов охраны здоровья. Так, в середине августа 1941 г. были открыты центральная и детская поликлиники, отделение для пациентов с хроническими болезнями для 183 человек, Дом престарелых на 23 человека, налажена работа скорой помощи, продолжали работу Дома малютки, умственно отсталых детей, костно-туберкулезных болезней на 60 детей каждый. В Житомирской больнице функционировали хирургический, психиатрический отделы и отдел помощи роженицам. Бактериологический отдел лаборатории занимался проведением анализов воды и пищи, отдельно работал пункт по борьбе с бешенством. Противоэпидемическая служба стояла на страже борьбы с инфекционными болезнями, контролировала санитарное состояние буфетов и столовых (УС 3). Отделы охраны здоровья занимались регистрацией медицинских работников. Планировалось, что во всех медицинских учреждениях Житомира будут работать 36 врачей и 109 лиц среднего медицинского персонала (УС 7).

Во время оккупации не прекратили работы и предприятия города. Работал пивоваренный завод; на моторемонтный завод немцы завезли специальное оборудование для производства поршней, колец для них и гильз. Работники фабрики лекарственных растений

принимали сырье и упаковывали его, однако производить лекарства не могли, так как закопали самое важное оборудование (Иващенко 1994: 10–11). Работал и Соколовский карьер, камень вывозился в Германию (Жива історія 2010: 52).

Из интервью председателя Житомирской управы Д. Павловского о работе в первые месяцы после прихода немцев явствует, что украинские националисты взялись контролировать всю систему функционирования города. Павловский хвалился, что удалось очистить улицы города от руин, упорядочить базарные площади, взять на учет и распределить по магазинам товары; открылись новые мебельные магазины, заработали слесарная, обувная и художественная мастерские, мужские и женские парикмахерские, прачечная, водогонная и электрическая станции; проводились работы по восстановлению движения трамваев (Жилюк 2008: 57). Очевидица тех событий Лидия Бабская вспоминает, что при немцах снова начали работать электростанции, куда за паек ходили на работу люди из района. Начальником был офицер Генрих Мопс. Почти каждый день для тяжелых работ туда пригоняли колонны военнопленных (Жива історія 2010: 48-49).

К сожалению, мало внимания в научной и мемуарной литературе уделено вопросам жилищного обеспечения. Из воспоминаний Софии Брунак узнаем, что она с матерью проживала в квартире на территории больницы. Немцы семью оттуда выгнали, соседей рассортировали. Семья Брунак поселилась в подвале еврейской больницы (Жива історія 2010: 49). В поисках угля жители Житомира ходили на свалку электростанции и просеивали его. В лесу за речкой собирали хворост, потому что немцы запретили рубить деревья (Жива історія 2010: 53).

Катастрофически не хватало провианта. Многие люди ходили по домам с корзинками, чтобы обмениваться продуктами питания (Денисенко 2002: 168). Часто ездили по селам на попутках и обменивали вещи на еду. Лидия Бабская вспоминает, что голодать их семья стала в конце осени 1941 г. Чтобы хоть как-то прокормиться, девочка вместе с братом ходила за город на ближайшие поля – насобирать колосков или найти какие-то овощи. «Иногда единственной нашей пищей была сахарная свекла, которую мама выпекала в печке. Зимой кто-то из знакомых сообщил, что в Виннице на рынке можно купить продукты за советские деньги. Мама вместе с теткой на попутной военной машине словаков съездили в соседнюю область и привезли хлеб, сало, масло – это был настоящий праздник! В тот же вечер в наш дом пришло много соседей, которые все раскупили и заказали маме привезти еще. Так она дважды, а то и трижды в неделю начала ездить в Винницу за продуктами. Добраться туда и назад было легко, немцы и словаки часто подвозили таких, как она. Иногда, договариваясь за

пачку папирос, ее забирали прямо возле дома. Почти всю оккупацию мама ездила в Винницу и другие города, покупая и выменивая продукты. Благодаря этому мы смогли выжить». Также очевидица упоминает, что самой большой проблемой во время войны было отсутствие соли. За ней дети ходили на овчинно-шубную фабрику на Смолянке, где в разбитом складе по уголкам можно было наскрести технической соли. Она была очень грязная, вперемешку с песком и ворсом, вечерами вся семья усаживалась перебирать ее. Когда же соль закончилась, мама поехала в Бердичев на кожевенную фабрику, где также были остатки технической соли (Жива історія 2010: 52). В. Жилюк отмечает, что с целью упорядочения обеспечения жителей Житомира нормированными продуктами питания город поделили на 50 участков и открыли 25 магазинов. Каждый житель должен был предоставить в магазин справки о месте работы и количестве иждивенцев и получить удостоверение о праве на получение пищевых продуктов (Жилюк 2008: 57).

В 1942 г., вспоминает Лидия Бабская, в Житомире начали работать магазины, рынок, некоторые производства и мелкие мастерские. «Нашим гражданам за работу платили оккупационными деньгами, за которые можно было приобрести любые товары. Например, буханка хлеба стоила 100 карбованцев, а литр масла – 180. Каждые выходные в районе электростанции работал рынок, куда с продуктами приезжали жители из окрестных сел. У них можно было выменять продукты на вещи» (Жива історія 2010: 52).

Кардинальными были изменения в культурно-образовательной сфере. Так, вопросами образования в пределах области занимался отдел народного образования при Житомирском областном управлении. Будучи парафией представителей ОУН, отдел стал активно проводить агитацию идеологии украинского национализма, прежде всего, среди молодежи. Глава отдела в 1941 г. Александр Мережинский произвел перестройку всей образовательной системы, которая теперь включала четырехлетнюю школу как обязательный образовательный уровень; семилетнюю школу, проводившую подготовку к поступлению в техникумы и гимназии; гимназии, по окончании которых открывалась дорога в высшие учебные заведения. К примеру, по состоянию на 1 сентября 1941 г. в одном только Житомире открыли 12 школ. Отдел образования областного управления разработал учебные планы для четырех- и семилетних школ (Ковальчук, Стельникович 2011: 56).

О системе обучения в школах читаем у Лидии Бабской. Во время оккупации занятия проводились на украинском языке. В одной комнате сидели сразу три класса: первый, второй и третий, один учитель объяснял всем одновременно. Учились по советским учебникам, в

которых были только заклеены портреты Ленина и Сталина (Жива історія 2010: 53). Галина Синьковская отмечает, что в ее классе на стену повесили портрет Гитлера и икону, а ученикам приказали зачеркнуть в старых учебниках все, связанное с советской властью. Учителя ожидали появления новых учебников из Львова. Преподавателей в классе было два – «немец и наш, математик, которого заставили» (Жива історія 2010: 53). Н. Борович вспоминает, что книжек, тетрадок, ручек и карандашей не хватало. Дети писали по очереди на старых газетах, между строк (Борович (Ткачук) 2002: 243).

В Житомире делали попытку открыть и специальные учреждения образования. В помещении областного управления в конце лета 1941 г. начали прием заявлений абитуриентов в Житомирскую женскую учительскую семинарию, готовившую классоводов начальной школы. Молодежь в возрасте 15-25 лет подавала свидетельство об образовании, метрическую выписку, характеристику от местной власти и паспорт. По конкурсу свидетельств и переводных оценок на первый курс принимали поступающих с образованием 7-8 классов, на второй – 8-9 классов, на третий курс – 9-10 классов средней школы. На соответствующие курсы семинарии зачислялись и ученики бывших медшкол (УС 7). Директором учебного заведения назначили К.И. Галактионова. Однако, как свидетельствует В. Жилюк, нацисты, несмотря на многочисленные просьбы интеллигенции, открыть это учебное заведение не позволили (Жилюк 2008: 50).

В то же время украинские националисты планировали издание собственных учебников. Так, в 1942 г. один из активних членов ОУН(м) К.И. Галактионов и еще 21 учитель составили текст «Читанки» для четвертых классов украинских школ, в марте 1943 г. рабочая группа учителей занялась составлением учебника по грамматике и чтению для учеников третьих классов украинских школ (Ковальчук, Стельникович 2011: 36, 40).

В городе во время оккупации была открыта техническая школа. До 15 сентября 1941 г. она проводила регистрацию бывших студентов Житомирского механического, дорожного и Бердического строительного техникумов, а также осуществляла набор на электро-механическое, дорожное и строительное отделения. Абитуриентами могли стать лица в возрасте от 15 до 30 лет, окончившие 7 классов и подавшие автобиографию, метрику, свидетельство об образовании, медицинскую справку и две фотографии. Все желающие учиться обеспечивались столовой и общежитием (УС 7).

Работали и Житомирский сельскохозяйственный институт, школа при нем. Среди преподававшихся предметов – украинский язык и деловедение (Ковальчук, Стельникович 2011: 40). В августе-сентябре

1941 г. проводился прием абитуриентов на факультеты историко-филологический (гуманитарный), естественно-географический и физико-математический (по 60 студентов на каждый) Житомирского учительского института. Студентов II и III курсов бывшего учительского и педагогического институтов зачисляли без экзаменов на соответствующие факультеты и курсы после подачи метрики, паспорта, характеристики местной власти, медицинской справки. На I курс института имели право поступать лица в возрасте от 17 до 30 лет с полным средним образованием. Результаты поступления определялись по конкурсу аттестатов. Время обучения в институте составляло 6-8 семестров (УС 2). При всех факультетах института открыли экстернат, куда принимали учителей начальных и народных школ с полным средним образованием. 25 августа 1941 г. состоялось первое собрание преподавательского коллектива института (УС 7). Местная пресса сообщала, что желающих получить высшее образование в Житомирском учительском институте было больше, чем вакантных мест. К примеру, только на историко-филологический факультет записалось 260 студентов. Канцелярия зачислила в институт более 600 чел. Кардинальным образом изменили учебную программу. Обязательными для всех студентов стали такие дисциплины, как богословие, философия религии, общая история церкви и история украинской церкви, история Украины, этика. В расписании запланировали выделить часы для занятий гимнастикой, танцами, пением, теорией музыки (УС 6).

Украинские националисты основали и свои издания, которые оказались еще одним средством пропаганды как нацистской, так и украинской националистической. 3 августа 1941 г. вышел первый номер украиноязычной газеты «Українське слово» («Украинское слово»), всего до 5 октября 1941 г. было издано 19 номеров. Газета печаталась в четверг и воскресенье. Главным редактором был член ОУН Иван Рогач. «Украинское слово» позиционировало себя как областная газета; издавалась форматом А3 на 4 страницах. Стоимость одного экземпляра составляла 30 коп. Материалы газеты поддавались немецкой военной цензуре. Структурно в ней размещалась информация с фронтов Второй мировой, где особое внимание уделялось успешным действиям вермахта и союзников, обращениям командования немецкой армии. Между тем много места в газете отводилось информации о повседневной жизни Житомира. Отдельные статьи посвящались налаживанию работы учительского и сельскохозяйственного институтов, вопросам религиозной жизни на Житомирщине. Значительное внимание уделялось публикациям культурологического характера. Среди них – статьи А. Лугового «Корифей украинского национального театра» (посвящена годовщине со дня смерти П. Саксаганского) (УС

8), «Великий писатель украинского народа» (посвящена 85-летию со дня рождения И. Франко) (УС 5), А. Барановского «Гетман Иван Мазепа» (УС 6), а также отрывок из романа Николая Хвывелевого «Вальдшнепы» (УС 7). Нашли место в газете и публикации исторического характера – статья Г. Геккеля «Украина» с иллюстрациями-портретами украинских культурных и политических деятелей (Тарас Шевченко, Леся Украинка, князь Святослав, Иван Мазепа, Богдан Хмельницкий, Петро Дорошенко, княгиня Ольга, Симон Петлюра) (УС 9); документально-публицистический материал о голодоморе 1932-1933 гг. и репрессиях 1937-1938 гг. (УС 3).

9 октября 1941 г. вместо переехавшего в Киев «Украинского слова» в Житомире вышел один номер газеты «Перемога» («Победа»), главный редактор – Д. Маслий. Цена газеты – 30 коп. (Перемога 1941). 12 октября 1941 г. вместо «Перемоги» вышел первый выпуск газеты «Голос Волині» («Голос Волыни»), редактор – Д. Маслий. До 14 декабря 1941 г. в шапке издания помещались изображение трезубца и лозунг «Слава Україні!» («Слава Украине!») (ГВ 4). Газета также издавалась каждый четверг и воскресенье на 4 страницах А3 до декабря 1941 г., стоимость экземпляра составляла 30 коп., позже – 50 коп. Украинская проблематика прослеживается в названиях статей «Из истории Житомирского собора» (ГВ 1), «Украинская песня» (ГВ 2). Постоянными были «Литературные странички» (ГВ 3). Большая часть материалов выходила анонимно. После увольнения Д. Маслия с поста главного редактора в конце ноября 1941 г. «Голос Волыни» окончательно превратился в печатный орган немецкой оккупационной администрации (Ковальчук, Стельникович 2011: 76).

Не прекратил работы в годы оккупации и Житомирский городской украинский театр. В. Жилюк рассматривает его деятельность как одно из направлений работы отдела пропаганды. Организацией театра в Житомире занимались танцовщик И.С. Пустовойтенко, первым директором стал А.П. Семерда (вскоре будет казнен нацистами; второй директор – И. Клипаченко (1942 – июнь 1943 гг.); третий – И. Пустовойтенко). Регистрацией работников искусства занимался А.М. Карпинчук. Театральный сезон в городе начался 1 августа 1941 г. постановкой пьесы И. Котляревского «Наталка Полтавка» (Жилюк 2008: 54–55). Среди наиболее известных спектаклей – пьесы украинских классиков («Запорожец за Дунаем», «Наталка Полтавка», «Назар Стодоля», «Сорочинская ярмарка») и украинских националистов, осужденных в свое время советской властью за контрреволюционную деятельность. Дирекция театра обязала работников разговаривать исключительно по-украински; также в коллективе существовала группа «самостийников» (П. Борисовский, И. Ковалевский, Коваленко, И. Клипаченко).

При театре работала хоровая капелла, исполнявшая украинские народные песни. Осенью 1941 г. капеллу по приказу немецких оккупантов присоединили к фронтовой бригаде по обслуживанию военных частей. В сентябре 1943 г. житомирский хор практически в полном составе выехал в Германию, где обслуживал остарбайтеров (остаться дома разрешили лишь тем, у кого были маленькие дети) (Жилюк 2008: 59-61).

По мнению украинского историка В. Гинды, немецкая администрация рассматривала театр как одно из эффективных средств обеспечения культурного отдыха военных. Поэтому большинство театральных постановок в 1941 г. артисты представляли для военнослужащих, а не для местного населения (Гинда 2010: 703). Свидетельство этому находим и в исследовании С. Стельниковича, который отмечает, что на премьерах в Житомирском городском театре часто присутствовали генеральный комиссар Курт Клемм (позже Эрнст Ляйзер), штадткомиссар Фриц Магас, руководители отделов генерального комиссариата и штадткомиссариата. 3 ноября 1941 г. специально подготовленную оперу «Запорожец за Дунаем» посетил президент Словакии Й. Тисо, который на радостях решил передать в пользу театра 50 тыс. руб. (Стельникович 2013: 133).

По инициативе упомянутого выше А. Мережинского в Житомире возник Житомирский областной украинский клуб по адресу: улица Геринга, 12. Художественным руководителем, а вскоре директором клуба был Леонид Пинтов. В уставе Житомирского областного украинского клуба, утвержденном гебитскомиссариатом как дата образования, указано 11 июля 1941 г. (ГАЖО: 6), хотя сам Пинтов утверждал, что клуб начал реальную работу лишь с августа 1941 г. (Ковальчук, Стельникович 2011: 57). Согласно уставу, главной задачей клуба было культурное обслуживание гражданских и военных лиц во время их досуга постановками пьес, концертами, художественными и литературными вечерами, выступлениями спортивных групп, исполнением вокально-сольных номеров, организацией футбольных, волейбольных, баскетбольных матчей (ГАЖО: 16).

Структура клуба была довольно разветвленной. Он состоял из трех отделов: административного, культурно-просветительского и спортивного. В состав административного отдела входили директор, его заместитель (он же администратор), главный режиссер, секретарь-счетовод, завхоз, главный инструктор спорта. К культурно-просветительскому отделу (с сентября 1941 г. известен как Просветительское общество имени Симона Петлюры) относились кружки и коллективы (драматические кружки, хоровой коллектив, танцевальный ансамбль, уховая капелла, структурный кружок, кружок изучения немецкого язы-

ка, кружок изучения Закона Божьего и истории церкви, литературный кружок, кружок искусства, капелла бандуристов). В спортивный отдел (с сентября 1941 г. назывался спортивное общество «Сичь») входили такие секции, как акробатическая, тяжелоатлетическая (штангисты), кружок по изучению французской борьбы и бокса, фехтовальный кружок, футбольные, волейбольные, баскетбольные и другие команды (ГАЖО: 17 об.).

Клуб содержался за счет сборов от организации концертных вечеров, футбольных матчей, постановок пьес (ГАЖО: 18 об.). В футбольную команду Житомирского клуба входили 25 мужчин, а вообще в клубе насчитывалось 196 человек. Этими кружками с 11 июля 1941 г. по 22 января 1942 г. было проведено 15 футбольных матчей, 48 концертов, 45 пьес, 4 вечера цирковых программ (ГАЖО: 48 об.). Выступления организовывались преимущественно для украинского населения Житомира, хотя иногда артистам приходилось давать концерты и в немецких военных частях; футбольная команда клуба провела ряд встреч как с немецкими военными, так и с местными украинскими дружинами. За каждый концерт или постановку артистам и спортсменам клуба устанавливалась соответствующая плата (ГАЖО: 39-39 об.).

Л. Пинтов отмечал, что большинство членов клуба поступали в него лишь для того, чтобы получить свидетельство о работе и не попасть в списки остарбайтеров. Кроме того, согласимся с мнением В. Гинды, что членами спортивных организаций, созданных деятелями ОУН, могли быть лишь украинцы по национальности, что говорит об их закрытом характере и незначительной популярности (Гинда интернет). Воспитанная на коммунистических идеалах молодежь не понимала насквозь пропитанной национальными стремлениями к независимости культурно-образовательной работы. Потому одни занимали выжидательную позицию, другие просто боялись поступать в организации, вследствие чего их нельзя назвать многочисленными. Кроме того, они были крайне политизированными, что вызывало постоянные противоречия в отношениях с нацистскими оккупантами (Гинда 2007: 16).

Проводилась пропаганда и посредством спорта. Газеты области постоянно передавали спортивные новости мира. Так, об октябрьской игре 1941 г. немцев с финнами (6:0) на олимпийской площади в Хельсинки сообщила житомирская газета «Голос Волини». У житомирского спортивного общества «Сичь» по улице Михайловская, 35, был свой магазинчик, который состоял из двух отделов – спортивного и культтоваров и приносил незначительный доход. В магазине продавались различные запасные части для велосипедов, лыж, коньков и др. (Перемога 1941).

В самом Житомире футбольные матчи проводились регулярно. На стадионах немцы обычно получали места лучше, чем украинцы, цена билетов также отличалась. Для того чтобы посмотреть матч житомирской «Сичи», немцам предлагались билеты по цене 1,5 руб., а местному населению – по 3 руб. (УС 3).

Организатором и тренером первой футбольной команды «Сокол» был Бестужев, вторую команду – «Тризуб» (рус. «Трезубец») возглавлял Мотренко. Обе они действовали под эгидой спортивного общества «Сичь». За август–сентябрь 1941 г. житомирские футболисты сыграли четыре матча с немецкими солдатами: первые два проиграли, третий сыграли вничью, а четвертый выиграли (УС 3; УС 4; УС 6; УС 7). Судя по прессе, за весь период оккупации Житомира местные футболисты провели с немцами около 25 матчей, однако результатов большинства поединков не было напечатано. Последние футбольные встречи в Житомире зафиксированы летом 1943 г. Исходя из заметок в прессе, отношения между соперниками на поле нельзя назвать антагонистическими. Так, перед началом поединка 17 августа 1941 г., который посетило более 1 тыс. зрителей, житомирская команда вручила немецкой букет цветов. На стадионе во время матча играл духовой оркестр (УС 3). Футбольные поединки в Бердичеве сопровождались игрой гимна «Ще не вмерла Україна» («Еще не умерла Украина»). Украинский историк Владимир Гинда отмечает, что практически всегда перед началом футбольных матчей по инициативе немецкой стороны происходили импровизированные приветствия немецких футболистов украинской молодежью в национальных костюмах, все это фотографировали или снимали на киноплёнку и потом использовали в западной прессе или перебрасывали в тыл советских войск, чтобы показать, как хорошо живется при новой власти (Гинда интернет).

Может показаться странным и неправдоподобным, что в годы нацистской оккупации в городе жизнь не остановилась. Очевидец тех событий Франц Бржезицкий вспоминает, что «все было буднично, прозаично и как-то даже не по-военному тихо и трагично... во время войны будто бы обычная, бытовая жизнь продолжалась, дети ходили в школу, мальчики заигрывали с девочками» (Бржезицкий 2010: 8). Современный украинский историк В. Удовик утверждает, что «возрождение нормальной жизни» (на примере кинотеатров и городских театров) следует рассматривать со стороны немцев как распространенный пропагандистский шаг, сделанный для того, чтобы прикрыть настоящие цели захвата украинских земель. На фоне закрытых магазинов и огромных спекулятивных цен на рынках открытие заведений культуры воспринималось большинством населения

сначала отрицательно, лишь украинская интеллигенция радовалась возрождению культуры в национальном духе. Вскоре эйфория первых дней сменилась буднями оккупации: население восприняло функционирование заведений культуры как способ отвлечения от ужасов будничной жизни, а националистические силы – как способ сохранения украинских традиций (Удовик 2005: 329).

Г. Синьковская отмечает, что «клюди тогда, в 41-м, были настолько подавлены, что, наверное, считали: сопротивляться бесполезно – немцы повсюду и пришли навсегда. Они не верили, что наши вернуться» (Жива історія 2010: 46). Абсолютное большинство украинцев под немецкой оккупацией занимало пассивную позицию: их главной обеспокоенностью являлось повседневное выживание, что, по сути, было характерно для общей схемы поведения центрально- и восточнославянских народов на оккупированной немцами территории. Так считает известный украинский историк Ярослав Грицак (Грицак 2000: 237).

Немцы внесли существенные изменения в религиозную ситуацию в стране, разрешив открытие церквей. Этим они пытались продемонстрировать свое верховенство по сравнению с советской властью, однако и предоставлять полную религиозную свободу не собирались. В августе 1941 г. начальник штаба немецкой военной части вызвал благочинного Житомира Бориса Якубовского и приказал ему не допускать никаких церковных процессий, а священникам запретил выступать на религиозные темы. Глава областной управы А. Яценюк и городской голова Д. Павловский обещали Б. Якубовскому помощь в возрождении храмов. Для ремонта храмов управы выделяли бесплатно строительные материалы, транспорт, рабочих; подсобные работы поручали военнопленным, за которыми следили немецкие солдаты и украинская полиция (Жилюк 2008: 52-53). Религиозные вопросы были в компетенции отдела культов, который занимался приемом ходатайств об открытии церквей и назначением священников. Так, к сентябрю 1941 г. в отдел культов пришли 106 ходатайств, там взяли на учет 83 священника, открыли 51 церковь, в том числе 6 в Житомире (УС 7). По данным В. Жилюк, в Житомире, согласно переписи населения по состоянию на 1 октября 1941 г., 73,5 % жителей исповедывало православие, 19,2 % – католицизм, 3,7 % – лютеранство, 3,6 % – другие религии, действовали два костела, велась работа по открытию лютеранской кирхи и церкви старообрядцев (Жилюк 2008: 53).

Пропаганда осуществлялась и посредством радио. К концу 1941 г. весь Житомир был охвачен радиосетью. Работами по восстановлению работы радио занимались специальная немецкая бригада и два украинских националиста – Голейко и Стефаник. Дважды в день по

радио диктор передавал на украинском языке сообщения о ситуации на фронте (на немецком языке это делал работник бригады), перед сообщениями в эфире звучали украинские песни (Жилюк 2008: 69).

На учреждениях повсюду появились украинские желто-голубые флаги, на документации украинской администрации ставился трезубец; интеллигенция начала носить на груди значки с изображением трезубца или желто-голубые ленточки. В Житомире снесли памятники большевистским вождям, у некоторых даже было желание уничтожить памятник А. Пушкину (Жилюк 2008: 70).

Между тем украинские историки обращают внимание на тот факт, что уже с ноября 1941 г. отношение гитлеровцев к украинской администрации на местах кардинально изменилось, особенно после празднования украинцами 20-летней годовщины казни большевиками 359 воинов армии Украинской Народной Республики (21 ноября 1921 г., с. Базар на Житомирщине). С этого момента начинаются массовые аресты и самих националистов. Им запрещены любая политическая деятельность, публичные собрания и демонстрации, создание новых обществ, а за существующими установили надзор оккупационной власти. Немцы запретили использовать украинскую национальную символику, употребление слова «Сичь». Немецкая администрация прекратила финансирование содержания детских домов и домов инвалидов. Контроль за религиозной деятельностью возложили на политический отдел Генералкомиссариата через уполномоченного по религиозным вопросам немца Ленгофа. От его решения зависело открытие церквей. С сентября 1942 г. епископ Леонтий получал от оккупантов тезисы, которые должны были лечь в основу обращений к верующим. Основными призывами церкви стали: сопротивление любому сопротивлению, отъезд в Германию и необходимость сбора урожая (Жилюк 2008: 82-83, 85-86).

Не секрет, что немцы планировали вывозить культурные ценности с оккупированных территорий. Отправке в Германию подлежала и коллекция Волинского центрального музея, а именно 2 тыс. полотен (в том числе произведения Рубенса, Веронезе, Тициана, Тома). Об этом свидетельствует отчет Житомирской рабочей группы оперативного штаба Розенберга от 8 июля 1942 г. (Житомирщина 2: 63-64). Мало того: поначалу оккупанты не гнушались вывозить все содержимое больших домов, даже мебель. «Машины, моторы, аппараты, запасные части, книги и даже целые библиотеки, драгоценности – все это вывозилось в Германию. Обо всех этих грабежах немецким руководителям было известно все, но они ничего не предпринимали против них, наоборот, они сами приказывали грабить и даже сами организовывали такие грабежи, – заявлял военнопленный, ефрейтор 14-й роты 3-го

батальона 218-го полка 7-й горно-стрелковой немецкой дивизии Е. Гафнер. – ...В больших домах все было обыскано и сломано, при этом ценные вещи и мебель ломались так, чтобы они становились пригодными только на топливо...» (Житомирщина 2: 83).

В Житомире были открыты публичные дома, процветала проституция. Примечательно, что в одних документах появление публичных домов датировано уже 1941 годом, в других – 1943-м. Возможно, речь идет о неофициальном и стихийном явлении проституции в начале оккупации и ее организованном характере позже. Так, в директиве генералкомиссара гебитскомиссару в Житомире от 28 января 1943 г. сообщается: «После обмена мыслями между райхскомиссаром и главнокомандующим военными силами решено, что в определенном числе больших городов Украины с помощью гражданского управления открываются военным управлением публичные дома. Санитарное обеспечение возложено на военно-санитарных офицеров... Эти учреждения будут управляться предпринимательницами из Западной Европы. Главнокомандующий согласен, чтобы 1-2 дня в неделю публичный дом предоставлялся служащим гражданского управления. Предлагаю вам поддержать городские комендатуры предоставлением соответствующих домов и мебели при устройстве домов. К указанным городам намечены, между прочим, Житомир и Звягель (Новоград-Волинский)» (Житомирщина 1: 80-81).

В 1943 г., пытаясь пополнить свои трудовые ресурсы, немцы объявили, что все подростки должны пройти проверку здоровья. В бывшей школе № 17 они открыли проверочный пункт. Особую тревогу у немцев вызывал туберкулез, однако для флюорографии и рентгеновских снимков фотопленки не было. На специально отпечатанных бланках с изображением легких врачи отмечали точками очаги туберкулеза. В.А. Прохорова утверждает, что именно таким образом удалось освободить десятки юношей и девушек от отправки в Германию (Прохорова 2002: 232). Некоторые врачи тайком собирали медикаменты и передавали их нуждающимся житомирянам. София Брунак вспоминает, как уролог Ильченко и дерматолог Краснов выписывали девушкам такие медицинские справки, что нацисты отказывались угонять их в Германию (Жива історія 2010: 49).

Таким образом, если в первые месяцы нацистской оккупации украинские националисты, свято верившие в возможность с помощью Германии создать независимое государство, еще находились при власти, будучи, по сути, правой рукой оккупантов, но при этом имея возможность для проведения украинизации, что особенно было заметно в сфере культуры, то с ноября-декабря 1941 г. ситуация кардинально меняется. С того времени гитлеровцы желают полного

контроля над окупированной территорией, украинские националисты, многие из которых сами становятся жертвами нового режима, вынуждены выбирать – или полное слияние с нацистами и беспрекословное подчинение любым указаниям немцев, либо оппозиция и возможность физического уничтожения. Что же до простого населения Житомира, не сочувствовавшего идее возрождения независимого украинского государства, то для него оккупация стала борьбой за выживание. Имевшиеся у определенной части населения в первые месяцы прихода новой власти надежды на «светлое будущее» очень скоро развеялись, когда смерть коснулась или почти коснулась семьи каждого жителя оккупированного Житомира.

Житомир от нацистских захватчиков освободили 31 декабря 1943 г. (Иващенко 1994: 15).

ЛИТЕРАТУРА

Борович (Ткачук) 2002 - Борович (Ткачук) Н. Життя, віддане дітям // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 243-244.

Бржезіцький 2010 - Бржезіцький Ф. Окупація була буденною, тихою та не по-воєнному трагічною // Возрождение Житомира: газета Фонда Михаила Заславского. 2010. № 15 (11 мая).

ГАЖО - Государственный архив Житомирской области. Ф-С.1152. Оп. 1. Д. 11. 48 л.

Гінда 2010 - Гінда В. Культура, освіта і спорт під час окупації // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст. Історичні нариси. У 2 кн. Київ: Наукова думка, 2010. Кн. 1. С. 697-732.

Гінда інтернет - Гінда В. Націоналісти з м'ячем. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/regions/0/118/0/60733/> (дата обращения: 10 апреля 2015).

Гінда 2007 - Гінда В. Освіта в роки німецької окупації у генеральному окрузі «Житомир» 1941–1944 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Черкаси, 2007. 18 с.

ГВ 1 - Голос Волині. Житомир. 1941. 12 жовтня.

ГВ 2 - Голос Волині. Житомир. 1941. 23 жовтня.

ГВ 3 - Голос Волині. Житомир. 1941. 9 листопада.

ГВ 4 - Голос Волині. Житомир. 1941. 14 грудня.

Грицак 2000 - Грицак Я.І. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX ст. Київ: Генеза, 2000. 360 с.

Денисенко 2002 - Денисенко Г. Жива у пам'яті народній // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 168-169.

Жива історія 2010 - Жива історія Житомира. Історичний альманах. Вип. 1 / Упорядники: М. Гоманюк, О. Гуцалюк, Ю. Малихін. Житомир: Фонд Заславського, 2010. 116 с.

Жилюк 2008 - Жилюк В.М. Діяльність ОУН та УПА на Житомирщині у 1941-1955 рр. Рівне: Волинські обереги, 2008. 308 с.

Житомирщина 1 - Житомирщина в період тимчасової окупації німецько-фашистськими загарбниками. 1941-1944 рр. Збірник документів. Житомир: Радянська Житомирщина, 1948. 220 с.

Житомирщина 2 - Житомирщина у Великій Вітчизняній війні 1941-1945 рр. Збірник документів та матеріалів. Київ: Наукова думка, 1969. 292 с.

Іващенко 1994 - Іващенко О.М. Житомир // Книга пам'яті України. Житомирська область. М. Житомир. Житомирський район. Житомир: Льонок, 1994. Т. 4. С. 5-18.

Іващенко, Солдатов 2002 - Іващенко О.М. Солдатов О.Ф. Жертвам фашизму – вічна пам'ять // Книга Скорботи України. Житомирська область. Житомир: Льонок, 2002. Т. 1. С. 7-22.

Іващенко 1993 - Іващенко О.М. Житомирська область // Книга пам'яті України. Житомирська область. Андрушівський район. Баранівський район. Житомир: Льонок, 1993. Т. 1. С. 7-31.

Ковальчук, Стельникович 2011 - Ковальчук І.В., Стельникович С.В. Нарис історії діяльності ОУН під проводом А. Мельника на Житомирщині у другій половині 1941 року. Житомир: Рута, 2011. 188 с.

Костиця, Кондратюк 2007 - Костиця М.Ю., Кондратюк Р.Ю. Житомир: підручна книга з краєзнавства. Житомир: Косенко, 2007. 464 с.

Лобода 2010 - Лобода М.К. Політика і практика працевикористання в окупованій Україні (1941-1944 рр.) // Український історичний журнал. 2010. № 3. С. 64-75.

Пам'ятки археології 2009 - Пам'ятки археології, історії та монументального мистецтва / За заг. ред. Г. Мокрицького / Енциклопедія Житомира. Житомир: Волинь, 2009. Т. 2, кн. 1. 244 с.

Перемога 1941 - Перемога. Житомир. 1941. 9 жовтня.

Прохорова 2002 - Прохорова В.А. Это было в оккупированном Житомире // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 231-232.

Ремезов, Белова 2002 - Ремезов А.П., Белова В.И. Жизнь, достойная подражания // Життя, сповнене тривоги. Жінки Житомирщини у роки Великої Вітчизняної війни. Житомир: Житомир, 2002. С. 17-21.

Стельникович 2013 - Стельникович С.В. Театр на території генерального округу «Житомир» (друга половина 1941 – початок 1944 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя: ЗНУ, 2013. Вип. XXXVII. С. 131-136.

Удовик 2005 - Удовик В.М. Питання культурної політики в період німецької окупації (1941-1944 рр.) // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2005. Вип. 9. Ч. 2. С. 327-334.

УС 1 - Українське слово. Житомир. 1941. 3 серпня.

УС 2 - Українське слово. Житомир. 1941. 14 серпня.

УС 3 - Українське слово. Житомир. 1941. 21 серпня.

УС 4 - Українське слово. Житомир. 1941. 24 серпня.

УС 5 - Українське слово. Житомир. 1941. 31 серпня.

- УС 6 - Українське слово. Житомир. 1941. 7 вересня.
УС 7 - Українське слово. Житомир. 1941. 11 вересня.
УС 8 - Українське слово. Житомир. 1941. 18 вересня.
УС 9 - Українське слово. Житомир. 1941. 21 вересня.
Armstrong 1980 - Armstrong J.A. Ukrainian Nationalism. Littleton: Ukrainian Academic Press, 1980. 361 p.

REFERENCES

- Borovych (Tkachuk), N. (2002) Zhittya, viddane dityam [A Life Given to Children]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Ukrainian].
- Brzhezits'kiy, F. (2010) Okupatsiya bula budennoyu, tikhoyu ta ne po-voennomu tragicjnoyu [The occupation was everyday, quiet and non-military tragic]. Vozrozhdenie Zhitomira, 11th May [In Ukrainian].
- The State Archive of Zhitomir region (GAZhO). F-S. 1152, List 1. File 11 [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2010) Kul'tura, osvita i sport pid chas okupatsii [Culture, education and sports during the occupation]. In: Smoliiy, V.A. (ed.) Ukraïna v drugiy svitoviy viyni: poglyad z XXI st. Istorichni narisi: U 2 kn. [Ukraine in World War II: A view of the 21st century. Historical Essays in 2 books]. Kiev: Naukova dumka. Book 1 [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2015) Natsionalisty z m'yachem [The Nationalists with a ball]. Ukraina moloda [ONline]. Available from: <http://www.umoloda.kiev.ua/regions/0/118/0/60733/> (Accessed: 10th April 2015) [In Ukrainian].
- Ginda, V. (2007) Osvita v roki nimets'koï okupatsii u general'nomu okruzi "Zhitomir" 1941–1944 rr. [Education during the German occupation in the general district "Zhytomyr", 1941–1944]. Abstract of History Cand. Diss. Cherkasy [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 12th October [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 23rd October [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 9th November [In Ukrainian].
- Golos Volyni [Volyn' Voice]. (1941) Zhytomyr, 14th December [In Ukrainian].
- Grytsak, Ia.I. (2000) Naris istorii Ukraïni: formuvannya modernoi Ukraïns'koï natsii XIX–XX st. [The outline of the history of Ukraine: the formation of the modern Ukrainian nation of the 19th–20th centuries]. Kiev: Geneza [In Ukrainian].
- Denysenko, G. (2000) Zhyva u pam'yati narodniy [She is alive in people's memory]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A life full of anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Ukrainian].

- Zhiva istoriya Zhitomira. Istorichniy al'manakh [Living History of Zhytomyr. Historical Almanac]. (2010) Zhytomyr: Fond Zaslavs'kogo, iss. 1 [In Ukrainian].
- Zhyliuk, V.M. (2008) Diyal'nist' OUN ta UPA na Zhitomirshchini u 1941–1955 rr. [OUN and UPA in Zhytomyr region in 1941–1955]. Rivne: Volyns'ki oberegy [In Ukrainian].
- Stepanov, P.M. (ed.) (1948) Zhytomyrshchyna v period tymchasovoyi okupatsiyi nimets'ko-fashysts'kymy zagarbnykamy. 1941–1944 rr. [Zhytomyr Region during the temporary occupation of the Nazi invaders. 1941–1944]. Zhytomyr: Radians'ka Zhytomyrshchyna [In Ukrainian].
- Chornobrivtseva, O. (ed.) (1969) Zhitomirshchina u Velikiy Vitchiznyaniy viyny 1941-1945 rr. [Zhytomyr Region in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kiev: Naukova dumka [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. & Soldatov, O.F. (2002) Zhertvam fashizmu – vichna pam'yat' [Eternal memory to the victims of fascism]. In: Knyga skorboty Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast' [The Sorrow Book of Ukraine. Zhytomyr Region]. Zhytomyr: L'onok [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. (1994) Zhytomyr [Zhytomyr]. In: Knyga pam'yati Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast'. M. Zhytomyr. Zhytomyrs'kyi rayon [The Memorial Book of Ukraine. Zhytomyr Region. Zhytomyr District]. Zhytomyr: L'onok, vol. 4 [In Ukrainian].
- Ivashchenko, O.M. (1993) Zhytomyrs'ka oblast' [Zhytomyr Region]. In: Knyga pam'yati Ukrayiny. Zhytomyrs'ka oblast'. Andrushivs'kyi rayon. Baranivskiy rayon [The Memorial Book of Ukraine. Zhytomyr Region. Andrushivskiy District. Baranivskiy District]. Zhytomyr: L'onok, vol. 1 [In Ukrainian].
- Koval'chuk, I.V., & Stel'nykovich, S.V. (2011) Narys istoriyi diyal'nosti OUN pid provodom A. Mel'nyka na Zhytomyrshchyni u drugii polovini 1941 roku [An essay on the history of OUN under A. Mel'nyk in Zhytomyr Region in the late 1941]. Zhytomyr: Ruta [In Ukrainian].
- Kostritsya, M.Yu. & Kondratyuk, R.Yu. (2007) Zhitomir: pidruchna kniga z kraeznavstva [Zhytomyr: a Reference Book on Local History]. Zhytomyr: Kosenko [In Ukrainian].
- Loboda, M.K. (2010) Politika i praktika pratsevikoristannya v okupovanii Ukraïni (1941-1944 rr.) [The policy and practice of work in occupied Ukraine (1941–1944)]. Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal – Ukrainian Historical Journal, 3 [In Ukrainian].
- Mokryts'kiy, G. (ed.) (2009) Pam'yatki arkhologii, istorii ta monumental'nogo mistetstva [The attractions of archeology, history and monumental art]. Zhytomyr: Volyn' [In Ukrainian].
- Peremoga [Victory]. (1941) Zhytomyr, 9th October [In Ukrainian].
- Prokhorova, V.A. (2002) Eto bylo v okkupirovannom Zhitomire [It Happened in Occupied Zhitomir]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia, spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Russian].
- Remezov, A.P. & Belova, V.I. (2002) Zhizn', dostoinaia podrazhaniia [A life worthy of emulation]. In: Tkachuk, N.Yu., Polyak, K.R., & Mik L.D. (eds.) Zhyttia,

spovnene tryvog. Zhinky Zhytomyrshchyny v roky Velykoyi Vitchyznianoyi viyny [A Life Full of Anxieties. Women of Zhytomyr Region during the Great Patriotic War]. Zhytomyr: Zhytomyr [In Russian].

Stel'nikovich, S.V. (2013) [Theatre on the territory of the "Zhytomyr" General District (the second half of 1941 – early 1944)]. Naukovi pratsi istorychnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universytetu [Proc. of Historical Faculty of Zaporizhzhya National University], 37 [In Ukrainian].

Udovik, V.M. (2005) [The issue of cultural policy during the German occupation (1941–1944)]. Storinki voennoї istorii Ukraїni [Pages of the military history of Ukraine], 9, pt. 2, pp. 327-334 [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 3rd August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 14th August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 21st August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 24th August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 31st August [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 7th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 11th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 18th September [In Ukrainian].

Ukrayins'ke slovo [Ukrainian Word]. (1941) Zhytomyr, 21st September [In Ukrainian].

Armstrong, J.A. (1980) Ukrainian nationalism. Littleton: Ukrainian Academic Press [In English].

Кругляк Марина Эдуардовна – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Житомирского государственного технологического университета.

Krugliak Marina – Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of Humanitarium and Social Sciences of Zhitomir State Technological University.

E-mail: marinakrugljak@ukr.net